

Конец призыва, монгольские главы различных министерств возвращаются в свои дома, организация призыва людей следовать за императором Мин в пустыню, чтобы прогуляться, к трем ханам дакарского монгольского класса, предостережение.

Хотя пятьсот лет назад мы были семьей, все мы - потомки Чингисхана, но эти сотни лет племена ведут не маленькую борьбу, за пастбища, за скот и овец, настоящий отец может притвориться, что не знает, не говоря уже о тех, кого разлучили более десяти поколений родственников.

После организации маршрута в пустыню, Чжу Клау прогулялся за пределами палатки, только для того, чтобы увидеть, как У Рито вежливо ждет за пределами палатки.

Изначально этот парень был Засаком с левого заднего флага Керчина, первым монгольским вождем, вступившим в династию Мин.

Как только вышел Чжу Чичжун, У Рито вежливо приветствовал и улыбнулся, полный приятного аппетита: "Ваше Величество Император".

Чжу Цзы Лонг растянул спину и недалеко подошел к костру, неподалеку поджарили вкусного маленького жирного ягненка пять-шесть минут.

Он поприветствовал Урито: "Подойди и поговори".

"Да".

У Рито поспешил и осторожно последовал, через эти два месяца понимания, он почувствовал характер этого императора Великого Минга.

Чжу Цзы Лонг сел на коврик из тигровой кожи и, чтобы поджарить руки, потер руки к костру.

У Рито искренне возился с жареным ягненком, как будто демонстрируя свои навыки барбекю, и бормотал: "Женьшень может тонифицировать Ци, ягненок может тонифицировать форму, подлатать инь и упасть, укрепить почки, согреть середину и рассеять холод, согреть кровь, прожить долго и часто есть ягненка...".

Сюй Шэн со стороны внезапно спросил: "Смею ли я спросить, сколько лет твоему отцу? Он живой?"

"Осталось 53, почему дядя спрашивал об этом?" Ву Рито спросил подсознательно.

Сюй Шэн улыбнулась и сказала: "Ничего, просто любопытно".

У Рито как раз собирался грандиозно представить некоторых монгольских особенных жареных целых овец, только чтобы услышать речь Великого Императора Мин.

"Ву Рито, в эти дни я видел и вспоминал все твои достижения в своих глазах."

Получив такую похвалу, Ву Ритуо был так рад, что остановил свой труд и крепко сбил с ног: "Это благословение в восемь жизней для раба встретиться с Его Величеством Великим Императором, а раб готов служить Его Величеству Великому Императору до смерти и никогда не предавать его!

Чу Цзы Лонг улыбнулся и помахал рукой: "Ури-То, ты здравомыслящий человек, не нужно

так демонстрировать лояльность, я хочу спросить тебя, каково твое мнение о текущей ситуации в Монголии?".

У Рито, занятый с уважением, сказал: "Возвращаясь к словам Его Величества, Бадали, что потерянная собака, вам не нужно беспокоиться, он не собирается бежать, три великих хана пустынного севера не осмелится взять его, раб утверждал, что он не выживет в этом году!

Чжу Цзы Лонг помахал рукой: "Я не хочу это слышать, ты должен понять, что я хочу знать".

Урито был ошеломлен, мгновение спустя сразу же отреагировал, Император Дамы хотел знать сложные отношения внутри монгольских министерств ах, и как убрать, чтобы стабилизировать Монголию.

И да, этот молодой император Великого Минга был амбициозен, естественно, он не отпустил бы из земли, которую он заложил, он должен был бы захотеть надолго обеспечить свое господство в Монголии, какой аппетит!

Размышляя на минуту, Урито с уважением сказал: "Ваше Величество, раб считает, что для полной стабилизации монгольских министерств и ликвидации последствий Золотой семьи самое главное - это распределение благ, пока есть достаточно пастбищ и скота и овец, что за херня Золотая семья...".

Чжу Цзы Длинный терпеливо слушал, слова, произнесенные этим старомонгольским человеком, были очень простыми и не слишком резкими.

Это также показало, что монголы были очень реальными, без этих причудливых оправданий и риторики, сила, которую делали большие грабежи.

Они ели и общались, слушая в течение получаса, прежде чем Чжу Цзи Лонг разобрался в отношениях между десятками монгольских племен всех размеров в этой части пустыни на юге и севере, и десятками других племен всех рас.

Это было слишком сложно! Всевозможные ограбления и вендетты, гораздо более сложные и захватывающие, чем те гангстерские дела в кино, никаких главных героев, все проходит через!

.....

В пустыне к северу, у реки Ключен, в отчаянии бегала группа монгольской кавалерии, одетая как нищие.

"Тайджи, кавалерия Мин идет за нами!"

Впереди был крик с Бадали: "Почему ты не остановил его? Это потому, что ты не хочешь остановить это?"

Молодой солдат хотел заплакать: "Таичи, мы не можем это остановить, я единственный, кто остался в сотне домов!"

"Тогда и тебя нахуй!"

Бадали отклонился, согнул лук и выстрелил стрелой, отняв неосмотрительного и шумного подчиненного одной стрелой.

Те, кого преследовали, в целом были нежелательны, и бесполезный Бадали вел оставшихся

сотен своих людей через обширные луга и пустыни, уклоняясь от преследования армии Мин с их собственными беспорядками.

Перед лицом более хитрого, чем кролик Бадали, Ли Шаою преследует очень осторожно, потому что он вошел на территорию пустыни Северного Дакотанского хана.

Всего в пустыне Северный Дакар, Монголия, Ту Сие Ту хана, Засак Ту хана и Чеченского хана было три силы, которые контролировали обширные земли пустыни на севере, к востоку от Хулунбейрской степи, к западу от Джунглей, к северу от озера Байкал, и граничили с пустыней Южной Монголии на юге.

Три филиала Калки установили контакт с цинским двором десять лет назад, отремонтировав книги и отправив посланников ко двору, но они лишь номинально подчинены маньчжурам, предоставляя только одного верблюда и восемь лошадей в год, сохраняя при этом собственную администрацию и армию, и занимаясь своими делами.

Для того, чтобы предотвратить набеги и засады снова, Ли Шаою приказал батальону идти вперед, чтобы быть уверенным, чтобы отправить ночь, чтобы не собирать кавалерию разведки вокруг, далеко заставы до одного или двухсот миль, чтобы узнать правду и левый фронт и тыл, чистая дорога может быть введен, определенное место для борьбы, определенное место для лагеря, определенная сторона вражеских солдат, определенное место с едой и так далее.

В дополнение к знанию врага, Ли Шаою строгий порядок лагеря аккуратно, палатки до и после левой и правой, все лошади разбросаны по местам, для поддержания бдительности, дальний конец кавалерии всегда должны патрулировать, так что полиция разделена.

Войска Мин постоянно ищут Бадали, однако, Бадали использует партизанскую тактику, позиция меняется бесконечно, и войска Мин играли в прятки.

Но если людям не повезет, даже питье холодной воды будет кляпом.

Когда он бежал в обратном направлении, он столкнулся с главным телом армии Мин, которая спускалась по реке в пустыню.

Чжу Цзы Лонг привел свою армию в пустыню, за которой стояло большое количество монгольских министров.

Он был очень удивлен, узнав, что Бадали, неудачник, пришел к двери по собственной воле.

Разве не хорошо быть живым?

Звучал зарядный рог, громко кричала Императорская лесная армия, тысячи лошадей яростно атаковали озлобленную монгольскую армию на фронте.

Бадали испугался почти гипертонии, совершил внезапную смерть, отчаянно бросив кнут лошади.

Армия Мин бросается в линию врага, как горные тигры, косит группу монгольских солдат, бежавших в отчаянии.

Столкновение с этими несправедливыми головой, имперские войска, естественно, трудно сократить, после двух или трех обвинений, Бадали только несколько сотен нищих солдат оставили полностью рухнул, бросил броню, рассеянные и маршрутизированные.

Естественно, Бадали возглавил забег, и эффективность его побега была высока, внезапно выскользнул на сотни миль, на весь путь к северу.

Я думал, что холодная погода к северу от армии Мин не осмелится прийти, будет очень безопасной, но он просто слез, чтобы пописать, не поднял штаны, за погоней Императорской Лесной Армии пришел, наверху ожесточенная косая черта и снайперская стрельба.

Бадали не сказал ни слова, с его штанами в бегах, императорская гвардия в горячей погоне, был за ним, чтобы убить.

Пока он бежал к реке Хорошие Новости, Бадали был слишком измотан, чтобы бежать дальше, и в конце концов был преследуем Чжу Цзы Лонг.

Бата Ли в сопровождении группы монгольских солдат сражается со своей лошадью на берегу реки Благая Весть.

Он ясно знал, что молодой человек посреди армии Мин со знаменами дракона и стражем, похожим на облака, должен быть императором Тянь Ву из династии Мин.

Бадали склонил руки в салюте на своем коне и сказал: "Император Минг, если я скажу, что я готов вернуться к Великому Мингу, вы отпустите меня?".

Чу Цзы Лонг закрыл с ним глаза и улыбнулся: "Я проделал весь этот путь за более чем три тысячи миль, ты думаешь, это возможно?"

"Понял!"

Бадали был полон разочарования, он повернулся, чтобы посмотреть на реку добрых услуг, которая была покрыта густым льдом, и вздохнул: "Я опозорил своих предков, умирая здесь".

Сказав это, он вытер шею с мачете в руке и покончил жизнь самоубийством с большим удовольствием.

Потомок Золотой семьи, последний министр платка и старший сын Тушету хана Оба, Бадали, в конце концов, честно скончался на стороне и ушел мирным путем.

.....

Внутренняя Фань Монголия только один срок Ту Сие Ту хана, был первоначальный Нурхачи запечатан, после смерти Оба, Бада Ли сын унаследовал работу своего отца, Цин двор назвал его принцем Ту Сие Ту, титул уступает только "хан".

Пустыня Северная одна из трех Ту Шейто Хана называется gunbu, и Бадали в дополнение к фамилии, не должно быть никаких отношений, ищет много дней информации, не нашел никаких особых отношений между ними.